

Михаил Камалеев
17 ОРГАЗМОВ ВЕСНЫ

Новая повесть Михаила Камалеева «Маша Онегина»
на <http://mashaonegina.ru>

Disclaimer

Данный текст представляет собой типичный продукт массовой культуры: не раскрывает тайн мироздания, не содержит в себе ответы на вечные вопросы, не сохраняет классические традиции русской литературы и не является образцом высокохудожественного произведения.

Все словесные штампы, вульгарные выражения, опечатки, орфографические, пунктуационные, логические ошибки, а также противоречия здравому смыслу объясняются исключительно глупостью

автора, который, тем не менее, никоим образом не хотел оскорбить чьи-либо чувства.

Автор оставляет за собой право нарушать хронологию событий и описывать их в любой удобной для себя последовательности.

Приступая к прочтению данного текста, Вы берете на себя всю ответственность за возможность причинения Вам морального ущерба. Произведение может [но не обязано] содержать ненормативную лексику, описание сцен насилия, употребления алкоголя и наркотиков, а также откровенные сексуальные фрагменты.

Если после прочтения данной книги Вам покажется, что она не стоит тех денег, которые Вы за нее заплатили, возможно, Вас обманули. Тем не менее, это не является основанием для предъявления претензий автору. Вся ответственность лежит на отцах-основателях теории и практики капиталистических отношений. Попробуйте подать иск против Адама Смита.

Пользуясь случаем, автор хотел бы передать привет и огромную благодарность всем людям, которые послужили прототипами героев данного произведения.

Претензии, касающиеся любых аспектов данного текста, не принимаются.

Current mood: все хорошо))

Current music: The Bloodhound Gang "I Hope You Die"

Вы уверены, что хотите читать дальше?

Часть 1

@@@

«Приличия» в нашем городе – понятие условное. Два полторалитровых баллона пива с легкостью устраняют любое недовольство хозяина квартиры, к которому ты пришел в гости в полпервого ночи. Лера же была девушкой «неприличной» и

принципиальной – из пластиковой посуды не пила. Мы решили не нарываться и вместо пива купили Cinzano. Расточительно, но, как оказалось, того стоило. К тому же, мне с Лерой еще только предстояло познакомиться.

Когда-то мне казалось, что я никогда не буду пользоваться словом «когда-то», чтобы рассказать о себе. Но получается, что только так я и могу начать эту историю.

Когда-то я был настолько самоуверенным, что мог заключать пари практически на любую тему. Порой даже без ставок – так, на интерес.

Ненормальный? – Возможно...

Безумец? – А вот это, пожалуй, точнее!

Я умел заключать пари. Футбол, «Формула-1», бокс, секс, места в хит-парадах, количество выпитого. Я доходил до того, что просто тратил всего себя на выигрыш для кого-то...

Да, это был я. О, Боже!..

В тот раз я тоже поспорил. Просто поспорил. С девушкой по имени Вита.

Я даже не знал ее полного имени. Просто Вита – и все. Может быть, ее звали Виктория, а может быть – Витольда, а может быть и просто Наташа, но ей так хотелось, чтобы ее звали Вита. В общем, я просто с ней спал. Не больше, и не меньше.

Она, конечно, что-то думала по этому поводу, наверное, но меня [мне так кажется до сих пор] это особо не касалось. Я так думаю, что она тоже не очень-то парилась по поводу того, как меня на самом деле зовут. Просто Миша - и все. Может быть, меня и вправду так зовут?

- Миша, дай, пожалуйста, сигарету!

- Может, хватит курить, а? Тебе еще детей рожать!

- От тебя, что ли?

Вот, блин! Как меня задалбливали эти ее приколы! Естественно, детей от нее я иметь не собирался, но все же – зачем так шутить? Впрочем, что еще я мог ожидать от девушки из нашей-то компании?

Короче, кому какое дело, но я же ей поспорил! В общем, она сказала, что мне понравится камин дома у ее подруги. Мне? Какой-то сраный камин? Ха-ха-ха!

Короче, поспорили. Ну и пошли, собственно.

Наверняка вы знаете все эти долбанные девятиэтажки в этих долбанных спальнях микрорайонах. Вот-вот! Лера жила как раз в одной из них. Полтора Суздаля в одном доме – прикольно, хоть вешайся!

Впрочем, я сам жил в одном из таких же примерно домов, но все-таки... И вот сейчас мы с Витой шли к Лере смотреть камин.

Мы буквально позавчера наконец-то сдали последний экзамен пятой в нашей жизни сессии и уже третий день праздновали ее окончание. Мы учились на одном курсе, но на разных факультетах. Она изучала самолетостроение, а я – менеджмент, и оба удивлялись бесполезности обучения друг друга. Ну вот, скажите, что такое, в самом деле, сдать «сопромат»? Да вы хоть в состоянии расшифровать эту абббри... абревви.. Ну, в общем, это сложносоставленное слово, которое что-то значит.

Она еще обижалась: «смеешься, значит, над моим «сопроматом», да?» «Посмотрим», - говорила, - «что ты будешь нашим детям про это объяснять!»

А я, собственно, и не собирался им ничего объяснять. На хрен мне от нее дети? Я сам-то никак не вырасту.

- О, привет! Come in! – дверь нам открыло полуобнаженное, немного заспанное существо.

О, Боже!!! Если бы моя школьная учительница–«англичанка» ТАК произносила «come in» в ответ на мое бессмысленное бормотание по поводу очередного опоздания... Я бы... Я бы до самой смерти [скорее всего, это была бы ее смерть] оставался ее преданным слугой. Я без тени брезгливости целовал бы ее морщинистые руки и не стесняясь обнимал на улице за талию. По крайней мере, насколько бы смог обхватить.

На пороге стояла Самая Красивая Девушка Нашей Планеты, ради которой я...

- Ну что? Проперся от «кам_ина»? – вдруг откуда-то материализовалась Вита. - Я же говорила! Ну, давай же, проходи!

Осмотреться в квартире мне не дали - мы сразу прошли на кухню. Вита начала что-то рассказывать, а я машинально открыл Cinzano. Лера достала из холодильника какие-то салаты. Мы за что-то выпили, я налил еще. Когда я протянул Лере бокал, она не смогла сдержать ухмылку - мои пальцы дрожали.

Зазвонил телефон, Лера подняла трубку и произнесла всего три слова: «Семь, шесть, четыре». Сначала мне показалось, что все это мне показалось. Потом я подумал, что Лера хочет мне что-то сказать, но при Вите не может сделать это открыто, поэтому она с мобильного незаметно набрала свой домашний номер и специально для меня произнесла какой-то шифр. Как будто кто-то позвонил. Я тупо полез в карман за своим телефоном и посмотрел, какие буквы находятся на кнопках с цифрами 7, 6 и 4.

Вита что-то говорила, Лера улыбалась...

Минуты через две позвонили в дверь, и я поразился своей собственной глупости. 764 – код на замке входной двери в подъезде. Просто пришел кто-то еще.

@@@

Когда тебе 20 лет и разнообразные вечеринки являются чем-то вроде работы, за которую, правда, не платят, в твоей жизни происходит много увлекательного и непонятного. Так получилось, например, с одним моим приятелем, который на университетском празднике по поводу начала очередного учебного года познакомился с девушкой по имени Настя.

Настя была очень непохожа на наших привычных подруг: одевалась небрежно, но безупречно стильно, мало курила, не морщась и не закусывая пила крепкие напитки, жила одна в собственной квартире и всегда платила сама за себя. Да и вообще производила впечатление патологически самостоятельной, экстремально жесткой и невероятно сексуальной особы, что, как скоро выяснилось, оказалось вовсе не впечатлением. Мой приятель после первой ночи в Настинной квартире, случившейся сразу после их знакомства, рассказывал такие небылицы, что в них верилось с огромнейшим трудом. Впрочем, позже оказалось, что верилось все же без оснований – Настя его просто не подпустила к себе по причине его полной несостоятельности. Много пить, к тому же - все подряд, нехорошо.

Зато почти весь следующий месяц мой приятель трахал Настю так, что вся земля дрожала блаблабла...

@@@

Не знаю как у вас, у меня же иногда бывает такое состояние, когда я не то, чтобы не знаю чем заняться, а просто чувствую, что в бессмысленном течении бесконечного времени вдруг образовалась огромная дыра, но никто [кроме меня] этого не заметил. Эта дыра превращает в себя весь мой организм, максимально концентрируюсь в голове. Так, наверное, бывает, когда ветер забывает дышать, а в телефонные провода попадает смертельный для электронных импульсов вирус: странники задыхаются, влюбленные не могут дозвониться друг другу, вся планета останавливается, чтобы сделать маленькую передышку. Видимо, именно в один из таких моментов я был зачат, иначе как объяснить мою повышенную к ним чувствительность?

В тот раз очередной «дырявый час» подловил меня на небольшом бульварчике в самом центре нашего города. Я как раз выбрасывал в урну шестой за последние полчаса окурков и раздумывал над тем, куда бы направиться. Вариантов, собственно, имелось целых два: можно было весело пообщаться с обитательницами общежития пединститута в пяти минутах ходьбы отсюда или же заявиться в кофейню на Бебеля – это тоже пять минут, но в другую сторону. В первом случае меня гарантированно ожидал безвкусный и недолгий секс с одной из будущих учительниц начальных классов. Во втором – брутальная пьянка. «Кофейней» это место уже давно называлось лишь номинально.

Время же меня обыграло, совершив самоубийство и оставив наедине с бесноватым городом. Люди шмыгали, проплывали, проносились и даже пролетали мимо меня, торопясь на важные встречи, спеша выполнить давно просроченные обещания и обрести новые долги. Деревья безучастно кивали головами, как будто приветствуя всех сразу, даже не разобрав лиц, но уже приняв за знакомых. Автомобили срывали голоса, предупреждая зевак о своем приближении. А я стоял, чувствуя, как все это валится бесцельным немаркированным грузом в нескончаемое хранилище событий, произошедших, когда время отдыхало. Как будто мне показали неудавшийся дубль из еще неснятого фильма: без звука, с посторонними людьми в кадре, с актерами, забывшими, что нужно делать, а потом спросили: «Ну что? Как тебе сюжет?»

Какой, к черту, сюжет? Последние дни сентября – самое нелепое время: скоро все изменится, но что именно и когда точно никто не в силах сказать.

В кофейне на Бебеля я вполне предсказуемо встретил того самого моего приятеля. Время уже успело вернуться к исполнению своих обязанностей, и только он один, казалось, об этом сожалел. От всех остальных посетителей мой приятель отличался неприлично трезвым взглядом и содержимым стакана – лед, пузырьки и кока-кола. Впрочем, все прояснилось довольно скоро, минуты не прошло:

- Понимаешь, проснулся я сегодня, она рядом лежит, спит еще. Я посмотрел на нее, понимаешь, и испугался: она как будто не живая. Нет, дышит там, и все такое, но – не человек, понимаешь? И не хочу, и не могу, и страшно.

В общем, от Насти он сбежал. Обычное дело, собственно говоря. Сам он утверждал, что это его стиль - непредсказуемые исчезновения. Я же считаю, что его стиль – предсказуемая глупость. Впрочем, это свое мнение я всегда держу при себе, что всегда позволяло мне поддерживать с приятелем хорошие отношения и регулярно напиваться в его компании до состояния «зеленых соплей».

Представьте же теперь наше состояние, когда в один из первых дней октября Настя стремительно зашла в аудиторию, где мы ждали начала лекции, поднялась на кафедру, просто и абсолютно уверенно произнесла: «Здравствуйте! Меня зовут Анастасия Владимировна, я буду читать у вас курс лекций по...» Честно говоря, я почему-то не очень хорошо помню, как назывался тот предмет. Кажется, что-то юридическое.

На первом же семинаре Настя предельно ясно объяснила, что ни мне, ни моему приятелю сдать ей зачет с первого раза не удастся. Впрочем, с какого бы то ни было еще раза тоже.

Мой приятель впал в поразительно истеричное состояние: он убедил своих родителей срочно организовать его перевод в другой вуз. Те оперативно подсуетились, и уже через две недели я остался один на один с Настей.

Как она и обещала, зачет с первого раза я не сдал. Публично распяв меня на кресте незнания ее предмета, для верности пару раз плюнув в

лицо дополнительными вопросами из смежных областей, она объявила мне день и время пересдачи.

Явившись в назначенный час, я даже без какого-либо сочувствия к себе убедился, что кроме меня и Анастасии Владимировны в кабинете никого не оказалось. Она сидела на подоконнике у открытого окна и курила. Курить в здании, конечно же, нельзя, но я думаю, что даже ректору не хватило бы смелости запретить ей делать это. Рукой она указала мне место, на которое я должен был сесть. Я и не думал сопротивляться.

Докурив, она подошла к моему столу и встала прямо напротив меня. В ее правой руке был небольшой пакетик, который она аккуратно надорвала и высыпала содержимое на стол. Я сразу понял, что это кокаин. Настя быстро разделила порошок на дорожки, наклонилась и вдохнула его через обрезанную трубочку для коктейлей. Я сам никогда не употреблял кокаин, но мне показалось, что Настя училась делать это, наблюдая за Мией Уоллесс. Как-то слишком демонстративно у нее получалось.

Она слизнула остатки порошка с пальца и сказала:

- Встань, иди сюда.

Обогнув стол, я встал прямо перед ней. Настя положила руки мне на плечи и с силой надавила на них так, что мне пришлось опуститься на колени. Затем она села на край стола, задрала юбку и за голову притянула меня к себе, одновременно закинув свои ноги мне на плечи. Нижнего белья, по утверждению моего приятеля, она не носила никогда, не изменив этой традиции и сегодня.

Конечно, я сразу же понял, чего она от меня хочет, но поскольку никакого опыта орального секса у меня тогда не было, я замешкался и никак не мог выйти из ступора. В результате я услышал ее гневное шипение: «Ну же!»

Только кончив два раза, она с силой оттолкнула меня - «уронила Мишку на пол». Встала, оправилась и произнесла, насмешливо глядя сверху вниз:

- Зачетку, надеюсь, не забыл?

@@@

Лера ушла открывать дверь, а Вита, мокро чмокнув меня где-то в районе уха, отправилась инспектировать состояние сантехники в квартире. Я оставался один минуты полторы или немногим больше. По крайней мере, если верить часам, которые магнитом прикреплены к дверце холодильника. Интересно, в чем измеряется скорость мысли? Проводят ли соревнования по этому виду спорта? Если да, то где можно подать заявку на участие?

Хотя, возможно, в том, что за очень короткое время я успеваю подумать о тысяче вещей разом, нет ничего удивительного. Ни у одного человека я никогда не спрашивал, сколько всего он успевает передумать, например, за ту же минуту. А у Виты, кажется, даже нет такого специального мыслительного отделения в мозге. По какой-то прихоти природы оно расположено у нее в одной из мышц языка.

Особенность же моих мыслей - в умении проявляться только в форме вопросительных предложений. Болезнь «почемучки» так и не покинула меня с четырехлетнего возраста. Только если раньше я изливал все свои вопросы, сомнения и страхи на родителей, бабушек и прочих взрослых знакомых, то теперь единственным объектом, удовлетворяющим собственное любопытство, стал я сам. Точнее, неудовлетворяющим. И почему, интересно, я сам не могу ответить на свои же вопросы?

Совершенно не ясно, почему у меня нет никаких стремлений и желаний. И вообще, как они появляются? Что мне нужно сделать, чтобы подобно практически всем моим однокурсникам страстно желать попасть на работу в какую-либо компанию после окончания института? Или, например, поступить в аспирантуру? А нужно мне это?

Хорошо, что никто кроме меня самого не знает, каким я могу быть занудным. Просто, наверное, я ни с кем не общаюсь настолько близко, чтобы это было заметно. Специфика моего окружения – поверхностное общение. Зачем вникать в детали? Вот он – клевый чувак, потому что у него всегда с собой есть трава. А это – классная девка. Почему? Что за вопрос? Ты разве не видишь, что она реально классная?

Это примерно как разбираться в музыке, слушая только радиохиты.

Социологи ломают головы, пытаюсь сформулировать, что мы за поколение. Придурки! Мы не поколение, мы – целевая аудитория!

Мы не устраиваем революций, мы берем кредиты на новые мобильные телефоны. Мы не едем на Север, чтобы «год за два», мы берем «два в одном», потому что так дешевле на треть. Я не хочу «увидеть Париж и умереть», я видел Эйфелеву башню со спутника на Google Earth. Мы не закаляемся на морозе, мы пьем энергетические напитки. Мы не поем хором «Все это рок-н-ролл!», у каждого в iPod'е свой плейлист.

Стоит ли продолжать?

На кухню они зашли все вместе: Лера, Вита и двое гостей. Первый - этот парень, Кирилл, который в прошлом году прославился на весь институт, когда в самый разгар летней сессии залетел в деканат со словами:

- А вы не знаете где Сукин?
- Кто? – переспросила туповатая секретарша.
- Ну Сукин, декан наш!
- Вообще-то он Кобелев...
- Да ну какая разница!

Тогда Кириллу пришлось перевестись на другой факультет, где деканом едва-едва был назначен бывший однокурсник, а ныне основной соперник Кобелева во всем, что только можно себе представить. Тоже, между прочим, выделяющийся фамилией - Бухач. Каждый раз, подписывая Кириллу направления на пересдачу очередного экзамена, Бухач похлопывает его по плечу и с безграничным восторгом произносит одну и ту же фразу:

- Учись, студент! Учись, сукин сын!

Спутницей Кирилла оказалась Настя. Та самая Анастасия Владимировна [«Весь мир – сплошной Абердин»]. Она посмотрела на меня совершенно безразличным взглядом, но протянула руку как старому знакомому [она со всеми так здоровается]:

- Привет, Миша!

Я понял, что скрывать факт нашего знакомства не стоит, но и афишировать его подробности явно незачем. Интересно, почему она

встречается исключительно со студентами? Да, кстати, откуда она знает Виту? Они так мило болтают.

Видимо, настала моя очередь прогуляться в сторону ванной.

Лерина квартира оказалась невероятных размеров; сколько точно в ней комнат я не знаю до сих пор. Как мне рассказали позднее, на самом деле это сразу три квартиры, которые еще при строительстве объединили между собой. Такой, знаете, позднесоветский шик.

На двери, которая ведет в ванную, обнаружился старый, порванный в двух местах, плакат с изображением Кобейна с дулом винтовки во рту. Я недолго постоял, разглядывая счастливое лицо Курта. Повезло все же в жизни человеку.

Самой ванны в ванной комнате не было. Ее заменяла душевая кабина невероятного дизайна и ошеломляющего размера. Резкий контраст со старой, потрескавшейся кафельной плиткой жутковато-зеленого цвета на стенах вызвал у меня какое-то смутное ощущение неправдоподобности. Что-то вроде того, если вдруг увидишь раздавленную временем старушку, лихо рассекающую на скейтборде. В Лериной квартире вообще все было так – дикая смесь времен дефицита на польский мебельный ширпотреб и эпохи разбрасывания нефтяных денег на новинки модной электроники.

Я включил холодную воду и с самоотверженной решительностью подставил голову под струю. Нужно было срочно прийти в себя, сбросить наваждение вереницы неожиданных встреч. К тому же я начал немного пьянеть.

Вдруг вода выключилась, а на мою голову кто-то заботливо накинул полотенце. Я застыл, услышав веселый Лерин голос:

- Вытирайся, моржонок! Весь пол мне забрызгал!

Я медленно повернулся и увидел ее, как-то так небрежно сидящую на стиральной машине. Она ехидно смотрела на меня, чуть склонив голову набок. Взяла меня за футболку, притянула к себе и...

И она меня поцеловала.

Холодные капли воды с моей головы падали в вырез ее платяца и мне казалось, что я чувствую, как они катятся по ее телу все ниже и ниже. Она сильно прижалась ко мне [или все же прижала меня к себе?] и мне

стало неловко от того, что от нее не скроется как сильно и часто бьется мое сердце.

Я потянулся к двери, чтобы закрыть на замок, но Лера уверенно перехватила мою руку и, на секунду разъединив наши губы, прошептала: «Не сейчас. Позже...».

- Ты же останешься сегодня? – спросила, отстранившись от меня [мне показалось – через вечность].

- А...

- О Вите я позабочусь, не волнуйся...

Обычно мне не нравится, когда кто-то принимает решения за меня. Даже если такое происходит, я все равно нахожу способ сделать все по-своему. Но в этот раз я не стал сопротивляться. В конце концов, я находился не на своей территории. «В чужой монастырь...», как говорится...

Впрочем, монастырь происходящее вокруг напоминало меньше всего.

@@@

Когда мы вернулись на кухню, Кирилл заканчивал рассказывать какую-то, видимо, чрезвычайно смешную историю, одновременно разминая пальцами только что забитую травой папиросу. Настя, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, время от времени вздрагивала всем телом, уже не в силах смеяться в голос. Вита с ногами забралась в кресло и, уткнувшись лицом в колени, махала на Кирилла руками, требуя прекратить рассказ.

Лично мне самым забавным во всей этой сцене показалось то, что буквально позавчера Кирилл купил у меня довольно увесистый пакет травы. Теперь же я стоял и решал моральную проблему: насколько прилично принять предложение покурить от человека, с которого ты взял деньги за то, чем он тебя угощает? В конечном итоге я решил, что это нормально – ведь мы случайно здесь встретились.

Вообще, перепродажа травы тогда была для меня единственным источником дохода. Я не относился к этому как к бизнесу: у меня не было постоянных клиентов, да и нередко случалось так, что продать-то было

нечего. Несмотря на это, мне хватало денег, чтобы снимать квартиру и не зависеть от родителей, которые считали, что в свободное от учебы время я честно тружусь в некоей аудиторской фирмочке. Вместо телефона офиса я дал родителям номер справочной городского автовокзала, который вечно занят.

Я никак не мог решить, куда мне нужно было сесть: рядом с Настей места не было, находиться рядом с Витой уже не хотелось.

Лера же курила, облокотившись на подоконник. Я стоял возле раковины, откровенно разглядывая Лерину грудь. Зачем она так себя ведет? Если бы я был кем-то другим, я никогда не поверил бы в то, что она сказала мне в ванной. Но в отличие от многих я умею верить в чудеса и всякого рода нелепости, поэтому просто принял все это как факт. А вот что мне делать с этим фактом? Логические выводы и принятие решений – явно не мой конек. Я решил оставить все как есть – и ситуацию с Лерой и свое месторасположение в пространстве. Так и остался стоять возле раковины.

Затянувшись первым, Кирилл вдруг спросил:

- Пойдем завтра на день рождения к Алешке?

- А разве завтра? – удивилась Настя.

- На самом деле уже даже сегодня, - Кирилл кивнул в сторону часов,
- Час шестнадцать!

- Мы пойдем. Да, Миша?

Интересно, с чего Вита решила, что кто-то попросил ее раскрыть рот?

- Да. Пойдем. Нас приглашали.

- Жаль, я не смогу. Завтра... сегодня... улетаю в Москву, - Лера всеми силами пыталась изобразить разочарование. – Правда, я еще даже билет не купила...

В Москву? Сегодня? А как же...? Я снова перестал что-либо понимать. Впрочем, и до этого я не мог сказать, что контролирую ситуацию. Но разница в том, что еще буквально десять минут назад мне это нравилось.

- К сестре едешь? Блин... Все время забываю как ее зовут, - Кирилл забарабанил пальцами по коленям, напряженно пытаюсь вспомнить имя.

Елки-палки! У меня постоянно создается такое впечатление, что все люди вокруг меня давным-давно знают друг друга. Причем, не только

непосредственно друг друга, но и родственников, друзей, бывших одноклассников, коллег, врагов и любовников всех вокруг. Один только я как будто стою в стороне и разглядываю поток проплывающих мимо неизвестных мне лиц и тел. Когда это я проспал всемирную переключку? Вот откуда, скажите, Кирилл знает что-то о Лериной сестре?

- Рита, - лениво протянула Лера, еле сдерживая ухмылку.

- Точно! – щелкнул пальцами Кирилл и подмигнул Насте. Настя захохотала, явно уловив намек, но уже через секунду стала подпевать Кириллу, который успел вскочить с кресла и начал судорожно размахивать руками в разные стороны: «Маааргааариииитаа! Уо-о! Маргариита!». Вита рассеянно смеялась, не зная как реагировать. Лера закрыла глаза рукой и, еле сдерживая смех, громко прошептала: «Идиоты!»

Я почувствовал, что начинаю злиться.

Состояние раздражительности, в которое я впадаю с незавидной периодичностью, обычно граничит у меня либо с агрессивностью, либо с полнейшим отрешением от происходящего. Сейчас это был первый вариант. Чтобы ничего не усложнять и не портить никому из собравшихся настроение, я решил насильно перевести себя в вариант номер два.

Я посильнее затянулся папиросой [кстати, еле сдержался, чтобы не закашляться] и достал из морозилки две банки пива. Вита попыталась сказать что-то вроде: «Ты бы не смешивал...», но я откровенно проигнорировал ее старания, а спорить со мной у нее, видимо, не было желания. Лера же только чуть удивленно посмотрела на меня. Впрочем, не удивленно, а так же, как и в ванной – ехидно, чуть склонив голову набок.

@@@

- Ээ-эй! Миишааа! Просыпайся! У меня такси через полчаса, я еще хочу увидеть тебя в нормальном состоянии!

Лерин голос настойчиво прорывался сквозь что-то похожее на дымовую завесу. Мне срочно требовалась справка о полученной мною тяжелой контузии. Совершенно необходимо, чтобы в этой справке было написано, что я тяжело болен, что я нетранспортабелен, что я нуждаюсь в постоянном уходе сиделки. Что мне, как кошке, нужно спать 20 часов в

сутки. А для гарантии еще желательна наклейка прямо на груди – «Не кантовать!»

Я находился в том самом трудно вообразимом на трезвую голову похмельном состоянии, когда ты можешь проснуться, ты можешь разговаривать, ты можешь даже встать, если «ну уж очень» надо, но вот открыть глаза ты не можешь ни за что. Никакие уговоры, никакие убеждения, никакие угрозы не помогут тебе сделать это. У тебя даже не болит голова, просто не открываются глаза.

Удивительно, но в Лериных интонациях не было никакой злобы, никакого раздражения. Она говорила все это как-то... эээ... терпеливо и даже ласково.

Я заставил себя сесть. Окружающий мир нагло набросился на меня. Он бил меня в живот. Нет, не так. Это вчера я проглотил мир, а теперь он просился обратно. Но я остался непреклонен: проглотил - значит, проглотил.

- Мииишааа! Пойдем в душ, я приведу тебя в порядок.

Это было жестоко – расстрел острыми струями холодной воды прямо в душевой кабине. Жестоко, но как всегда эффективно.

Вот что интересно: она никогда не злится?

Когда мне все же было позволено вылезти из душа и укутаться в теплый халат, я уже мог наблюдать за миром сквозь щелки, которые в обычном состоянии являются моими глазами. Процедура приведения меня в чувство закончилась стаканом апельсинового сока и немного укоризненным [тем самым – ехидным] взглядом.

- Слушай внимательно: я уезжаю на два дня. На два! – для особо тупых [кто, интересно, имелся в виду?] Лера показала количество дней на пальцах, - Я прилечу послезавтра в обед. Можешь встретить меня в аэропорту. Вот ключи, замки открываются очень легко. Тебе придется немного убратся на кухне. В конечном итоге, ты тоже имел к этому отношение. Еда в холодильнике.

Я сидел и ничего не понимал. Я даже не старался. Все происходящее не имело ко мне никакого отношения. Вот сейчас я проснусь, и все останется как прежде: долгие дни, наполненные содержательным бездельем, болтливая идиотка Вита, неожиданные

встречи с друзьями, перерастающие в трехдневные запои, ну и далее по списку.

- Все. До встречи, - она быстро поднялась и направилась к выходу.

- И никаких баб, милый! – это было сказано уже на пороге лифта.

Впрочем, просыпаться не очень-то и хотелось.

- Пиздец! – это было первое слово, которое я сказал, едва рухнув обратно на кровать. Это было вообще первое слово, которое я сказал за этот день.

И немедленно заснул. К черту! Подумаю об этом завтра! Т.е., конечно, сегодня, но позже. В общем, «тем, кто ложится спать...»

Новая повесть Михаила Камалеева «Маша Онегина»

на <http://mashaonegina.ru>

Часть 2

@@@

Я уже много раз замечал, что совсем не знаю свой родной город. В географическом смысле. Стоит мне оказаться не в центре или не в том районе, где я живу, как мои ноги объявляют о своем суверенитете и отказываются подчиняться мозгу, который в свою очередь и сам моментально убегает на перекур. Я могу пару часов бродить по кругу на расстоянии в полквартиры от места, куда мне нужно прибыть. Или десять раз пройти мимо какой-нибудь вывески или здания, которые мне указывают в качестве ориентира.

В хитросплетениях же провинциальных нравов и порядков я всегда разбирался лучше большинства многомудрых старожилов. Я прекрасно знаю, какой опасности подвергаюсь, оказавшись один в чужом районе. Несколько раз мне пришлось спасаться стремительным бегством от толпы невзрачно одетых молодых ребят, сверливших меня недобрыми взглядами. Таких называют емким словом «гопники». Кстати, я не считаю подобное бегство проявлением трусости или слабости. А если даже кто-то и думает иначе, то я не собираюсь спорить – у каждого свои представления о мужестве и о личной безопасности.

Но еще лучше, чем местные дворовые реалии, в тот день, когда я проснулся в Лериной квартире, я знал, что просто не могу не пойти на вечеринку к Алешке.

В тот раз Алешка праздновал свой день рождения в каком-то новом клубе, расположенном на территории бывшего оружейного завода. Не стоит, думаю, и говорить, что здание этого флагмана советской промышленности находится вовсе не в центре города, поэтому я поступил вполне разумно [с учетом своего топографического кретинизма] – поехал на такси.

В такси я всегда сажусь на заднее сиденье, справа от водителя. Некоторые мои знакомые считают, что это такая глупая игра в лондонского аристократа, мол, не царское дело – с возницей общаться. Другие думают, что я помешан на собственной безопасности. А один человек вообще говорил мне, что я самый хитрый из его приятелей – ведь с этого места проще всего слинять из машины, не расплатившись.

Отчасти правы лишь первые – я действительно ненавижу общаться с таксистами. Впрочем, эта нелюбовь взаимна, потому что первая фраза, которую я произношу после слова «Здравствуйте!» - это «Выключите радио, пожалуйста!». Симпатии водителей такси меня интересуют меньше всего, поэтому всю дорогу я могу быть предоставлен сам себе – смотреть в окно, курить [еще бы они мне не разрешали!] и думать о приятном. Или не думать, а просто смотреть в окно.

На самом деле все гораздо сложнее и даже, можно сказать, драматичнее. Когда мне было четырнадцать лет, я со своим отцом ехал откуда-то куда-то по совершенно обледенелой дороге. Я счастливо и безмятежно спал, сидя на переднем сидении, отец был за рулем. На каком-то очередном повороте машину занесло так, что все эти хваленые финские шины сорвали свои когти, пытаясь удержать сцепление с дорогой, и нас понесло – машина перевернулась на крышу и проскребла ей пару десятков метров льда. Движение прекратилось лишь на обочине в предусмотрительно наметенном [специально, видимо, для нас] сугробе.

Я же проснулся ровно в тот момент, когда машина уже катилась, перевернувшись на крышу. Ровно в тот момент, когда уже было непонятно, что будет дальше. Когда колеса, еще вращаясь, первый раз в своей судьбе увидели звездное небо и поняли, насколько весь смысл их

прошлой жизни был бессмысленным и унижительным – лишь наматывать круги и грызть асфальт.

Я проснулся и увидел... Собственно, не важно. Просто с тех пор я физически не могу сидеть в машинах спереди. Только сзади.

Едва машина выехала за пределы двора Лериного дома, у меня зазвонил телефон. Кто говорит?

- Миша, привет! Это Настя. Ты едешь к Алешке?

- Да, я уже еду. Я на такси.

- О, супер! Заедешь за мной? Знаешь, где я живу?

Я отдал трубку таксисту – не люблю быть посредником в разговорах. Оказалось, что Настя живет на параллельной улице и нам даже не надо менять маршрут.

Обычно, когда я встречаюсь с Настей, я сильно нервничаю и даже побаиваюсь ее. Сейчас же мне было настолько все равно, что я попросту забыл с ней поздороваться. Впрочем, она, кажется, этого даже не заметила – сразу же начала болтать, закурила, громко смеялась над своим же собственным рассказом. Я понял, что «поиграть в Мию Уоллесс» она предпочла еще до выхода из дома, не дожидаясь начала общего веселья.

Вдруг неожиданно она спросила:

- Что тебе сегодня снилось?

Вообще, я очень люблю рассказывать кому-нибудь о своих снах. Мне всегда снится что-нибудь интересное и захватывающее: «героические эпосы неудачника», как я называю все это про себя. Другое дело, что мало кому из моих знакомых нравится слушать мои пространные рассказы о том, чего на самом деле не было. И уж тем более никто из них не просит меня об этом специально. Поэтому Настин вопрос заставил меня вынырнуть из постпохмельного морока, и я начал рассказывать.

Сегодня мне приснился нетипичный для моих ночных приключений сон. Неожиданным и необъяснимым образом я оказался в каком-то совершенно незнакомом месте, на окраине какого-то города, в самом конце огромнейшей очереди на автобусной остановке. Впрочем, очередь была весьма условной: как только подъезжал очередной автобус, толпа начинала буйствовать, люди кричали, толкали друг друга, образовывалась невероятная давка.

Подъезжавшие автобусы были не похожи один на другой. Здесь были и древние, давно подлежащие списанию покосившиеся икарусы, с которых как листья с деревьев сыпалась шелуха желтой краски. Были и огромные двухъярусные туристические красавцы, выглядевшие безгранично спокойными и величественными океаническими лайнерами, которым нет дела до разыгравшегося шторма. Были и малюсенькие маршрутные такси, которые, казалось, еле-еле выдерживали натиск бешеных пассажиров.

Все автобусы почему-то открывали только передние двери, возле которых сразу же случался людской водоворот: кого-то нещадно выталкивали из толпы, кто-то падал, кого-то попросту били. Не было никакой разницы кто рядом с тобой – маленький ребенок, еле передвигающая ноги старуха или двухметровый бугай. Все били, толкали, кусали, материли, пинали и оплевывали всех.

- И что ты делал? – спросила Настя.

Собственно, это и было самым обидным – в этом сне я ничего не делал. Я просто стоял и смотрел на происходящее вокруг безумие. Я не пытался влезть ни в один автобус, потому что не понимал, куда и зачем мне надо ехать. Я не осматривался вокруг, не пытался понять, где я нахожусь и что происходит. Я просто стоял и смотрел на беснующуюся толпу, на людей, которым по неведомой мне причине было крайне необходимо влезть в очередной подъезжающий автобус.

- Наверное, просто начиналась какая-нибудь катастрофа или война, и все хотели уехать в какие-нибудь убежища... Или, я не знаю, бункеры, - рассуждала вслух Настя. Почему-то ее очень впечатлил мой рассказ, теперь она сосредоточенно курила и, казалось, напряженно думала.

Мы немного поговорили о том, что каждый из нас стал бы делать, если бы началась такая же невероятная паника, как в голливудских фильмах-катастрофах. Настя сказала, что она бы не делала ничего – просто сидела и ждала, что будет дальше. Про себя я ей отчаянно не верил, но вслух сказать это не решился.

- Приехали, - хриплым басом известил нас таксист.

Я случайно поймал его взгляд в отражении зеркала заднего вида. Мне показалось, что его злобное раздражение вот-вот превратится во

вполне реальные физические действия. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

Он взял у меня деньги с таким выражением лица, какое бывает у уставшей от жизни матери многодетного семейства, убирающей блевотину за пьяным скотиной-мужем. Когда ей противно, обидно, но ничего лучше у нее в жизни попросту нет.

@@@

Алешка – мой лучший друг и самый известный в нашем городе гей. Настолько известный, что правду о нем знают даже мои родители. Все благодаря Вите, точнее ее умению в самый неподходящий момент завести разговор на пикантные темы. И если раньше Алешка был просто моим одноклассником, с которым мы в детстве целыми днями гоняли мяч во дворе или исследовали закоулки окрестных чердаков и подвалов, то теперь мой папочка называл его не иначе как «твой пидорок». Иногда, выпив за ужином чуть больше положенного, отец смотрел на меня, прищурив свои и так не особо широкие глаза, и говорил: «Надо бы тебя к проктологу сводить. Узнать надо – может, ты сам уже давно заднеприводный, как этот твой пидорок, а?»

Он очень долго не мог успокоиться, когда я снял квартиру и начал жить отдельно. Впрочем, эти его нелепые подозрения меня не раздражали и не обижали, а скорее веселили и были весьма популярной темой для обсуждения с приятелями во время вечеринок.

Два года назад Алешкины родители погибли в чудовищной автокатастрофе где-то под Самарой. Его отец был достаточно успешным бизнесменом, владел сетью автомоек в городе и огромным торговым центром в нашем спальном районе. После его смерти вся родительская собственность, включая доли в бизнесе, была поделена между Алешкой и его старшим братом.

Алешкин брат, очень тяжело пережив смерть родителей, с какой-то необузданной энергией взялся за управление отцовским наследством. Он невероятно быстро стал полноценной заменой отца и заслужил большой авторитет и уважение со стороны партнеров и даже конкурентов.

Алешка же, с превеликим облегчением передавший свой пакет акций под управление брата, остался самым главным богемным тусовщиком в городе. Он постоянно устраивал какие-то невероятные вечеринки, выставки андеграундных художников, уличные флешмобы и провокационные спектакли.

Сегодняшняя вечеринка обещала стать самым грандиозным и дорогим клубным событием города за всю историю его существования. Специально для этого были привезены какие-то чрезвычайно модные диджеи [я совсем-совсем в этом не разбираюсь] из клубов Москвы, Милана и Лондона, а ведущим вечера назначен Павел Воля. Собственно, он и был первым человеком, которого мы увидели.

Это невероятно тощее существо стояло недалеко от входа в клуб и очень нервно общалось с кем-то по телефону. Настя достала сигарету, подмигнула мне и своей фирменной наглой походкой направилась прямиком к нему. На ходу она обернулась и крикнула: «Не теряйся! Я скоро к тебе приду!»

Интересно, с каких пор мы стали близкими друзьями?

Я позвонил Алешке, выяснил, где он находится, и через пару минут уже почти лежал на бесконечно мягком диване в чиллауте с коктейлем в руках. Вокруг толпились какие-то люди, которых я либо не знал совсем, либо знал очень поверхностно. Алешка разрывался между гостями, артистами и ответами на телефонные звонки. На меня у него совершенно не было времени.

И вдруг мне стало очень грустно. Я вспомнил, как в детстве мы праздновали наши дни рождения – дома, за столом, на котором обязательно стоял приготовленный мамой торт, кока-кола и вазочки с мороженым. Как мы разрывали хлопушки, жгли бенгальские огни и все вместе задували свечи. Как родители заставляли нас устраивать чаепития в школе, угощать своих одноклассников печеньем и конфетами.

Мне очень хотелось встать и потихонечку исчезнуть, поехать к Лере, сидеть на ее кухне в полной темноте, курить, пить вино, ждать, когда она вернется, и грустить.

Я никак не могу это объяснить, но почему-то состояние вот такой грусти в одиночестве мне нравится гораздо больше, чем какие-либо другие настроения. При этом нет никаких угрызений совести, чувства вины

или сожаления о чем-то. Просто грустно. Наверное, я слишком часто слушаю Radiohead.

- Если ты сейчас выйдешь из чиллаута – тебе пиздец! – я не заметил, как подошла Настя.

Видимо, выражение моего лица было особенно глупым, потому что она очень заразительно рассмеялась.

- Там Вита пришла. Она злая – не передать! У нее такой вот фиговины нет, она не может сюда попасть, - отсмеявшись, пояснила Настя [нам при входе как особым гостям выдали специальные браслеты – пропуск в чиллаут].

- И что мне делать?

Я совершенно искренне не знал, как поступить в этой ситуации. Видеться с Витой абсолютно не хотелось, меньше чем за сутки она вдруг стала далеким-далеким прошлым, чем-то вроде названия детского сада, в который я ходил в детстве. Никаких эмоций, просто малозначительный факт биографии.

- Да ничего не делай. Забей.

Впрочем, из чиллаута можно было не выходить вовсе – здесь был отдельный бар, а на огромной плазменной панели показывалось все, что происходило в основном зале. Насколько я понял, Настя тоже не особо стремилась отсюда уйти, поэтому мы сидели рядом, пили коктейли, здоровались с изредка подходившими к нам знакомыми и разговаривали.

- Ты давно знаешь Леру? – наконец-то я решился задать этот вопрос.

- Ха-ха-ха! Я ждала, когда же ты спросишь об этом!

Настя не стала меня долго мучить и рассказала все, что знала о Лере и ее семье. Оказалось, Настя и Рита [Лерина сестра] учились вместе в университете. Правда, Риту отчислили после четвертого курса, но это не помешало им общаться и дальше. В общем, Настя знала даже больше того, что требовалось мне.

- Ты знаешь, у них отец был какой-то суперчувак в местном ФСБ. Подполковник. Он погиб года четыре назад, его убили в перестрелке. Они сами толком не знают что и как, у него всегда все засекречено было. Ритка говорит, он постоянно отшучивался, когда они его про работу спрашивали.

Настя вообще не переставала курить. Мне кажется, она только за то время, что мы были вместе сегодня, выкурила не меньше пачки.

- После его смерти у них как-то все очень плохо стало. Рита забросила университет, у Леры была жуткая депрессия, а мама у них вообще... Поначалу потихонечку с ума начала сходить, чудила – хвостики себе на голове заплетала, бантики, красилась как малолетка, голая по пляжу ходила. В общем, много чего. Потом пить еще стала. Буянила, когда напивалась. Посуду била, мебель с балкона выкидывала. А потом отравилась.

Я слушал Настин рассказ и не верил в то, что все это правда. Впрочем, я почему-то был уверен, что Настя не могла так жестоко надо мной издеваться. Непостижимым образом ее отношение ко мне изменилось сразу же после моего знакомства с Лерой. А если даже дело было вовсе не во мне, то говорить такие вещи про семью подруги – это не ее стиль.

Она рассказала, что после похорон матери Рита всего за один день собралась и уехала в Москву. Лера осталась одна, и Настя буквально нянчилась с ней долгое время, больше года.

- Ты представляешь, она вообще к жизни не была приспособлена. Не то, что приготовить-постирать, она буквально не могла с утра в школу собраться без контроля. Как с трехлетним ребенком: «вставай, тапочки одень, зубы почисти, иди завтракать», ну и так далее.

Время от времени Рита присылала деньги, очень редко звонила, узнавала как дела, но про себя толком ничего не рассказывала. Потом, примерно через год, когда Лера уже окончила школу, Рита очень неожиданно приехала и забрала сестру с собой.

Оказалось, что к тому времени она уже успела многое сделать. Разыскала давнего друга отца, с которым тот служил еще в Афганистане. Друг в буквальном смысле был обязан отцу Риты жизнью – он так бы и остался гореть в подбитом бронетранспортере, если бы... В общем, это одна из тех историй, которые кажутся такой большой выдумкой киносценаристов, когда ты сидишь на уютном диване и пьешь дорогие коктейли.

Друг отца, как оказалось, сделал неплохую карьеру - сейчас он генерал в московской милиции. И, как подобает нормальному генералу, имеет довольно много интересов в различных бизнесах. Он сразу же предложил Рите работу. Буквально за пару месяцев Рита стала

директором очень модного в Москве заведения – какого-то закрытого для простых смертных развлекательного клуба, затем купила квартиру, Mercedes, вышла замуж и даже успела развестись.

Лера, окончив школу, переехала к сестре. Почти два года ничего не делала, развлекалась, путешествовала. И вот сейчас, сразу же после новогодних праздников, вдруг зачем-то приехала обратно в наш город. На все расспросы подруг отвечала какими-то ничего не значащими фразами, уходила от разговоров и в результате все от нее отстали.

- Мне кажется, она просто устала от Ритиной опеки. Рита, между нами, та еще зануда, - Настя умеет вот так, двумя фразами, очень емко описать ситуацию.

Вообще, я очень не люблю фразу "я в шоке". В последнее время все кому не лень пользуются ей, чтобы объяснить все подряд эмоции, которые они испытывают. Банальное удивление от подаренного на день рождения мобильного – "я в шоке". Шампунь удаляет перхоть – "я в шоке". Жена переспала с соседом – "я в шоке". Бритни Спирс приехала с концертами в Петербург – "я в шоке". Поэтому не могу сказать, что я был в шоке от услышанного. Да, я был потрясен, меня переполняли разные чувства, но это, конечно, не шок.

Больше всего меня поразило то, насколько похожи жизненные истории Алешки [моего лучшего друга] и Леры [девушки, в которую я бесповоротно влюбился с самого первого взгляда] – у обоих умерли родители, а вся забота о благополучии в руках старшего брата или сестры.

Да и еще к тому же обоим нравятся мужчины.

@@@

- О, привет-привет! Давно ты здесь?

Таким высокомерным и снисходительным тоном из всех моих знакомых умеет разговаривать только одна девушка, Таня. Сегодня, как обычно, она явилась в окружении всей своей свиты – будущего мужа и трех девиц, которые копировали ее повадки и, казалось, готовы были сделать все, что угодно, если Таня прикажет. Такие компании я видел, пожалуй, только в голливудских молодежных комедиях.

Таня, как и Алешка, - местная золотая молодежь. Это те самые мажоры, которым на восемнадцатилетие дарят Honda Civic со словами: "Ну, ты пока поезди, поучись, через годик купим тебе что-нибудь приличное". Собственно, эти двое и есть все мои связи в этом закрытом для посторонних тесном элитном мирке. Элита в провинциальном городе – это совсем не то, что высший свет в столицах. В нашем городе это максимум полторы сотни семей, каждая из которых принадлежит к тому или иному клану. Монтечки и Капулетти наших дней.

Дружба "элитных" и "простонародных" детей возможна только в случае безусловного признания авторитета и главенства первых. Дружба же между "элитными" – это такое минное поле, карта которого сгорела сразу же после того, как ее нарисовали. Я всегда поражался тому, как Алешка умело разбирается во всех этих хитросплетениях и не позволяет себе ошибаться.

И если с Алешкой я знаком, так сказать, по естественным причинам – мы выросли в одном дворе и учились в одном классе, когда его папа еще не стал богатым, то с Таней совсем другая история.

Мы познакомились в прошлом году в поезде, когда я ездил в Москву по поручению родителей. Для меня [собственно, как и для родителей] поездка в вагоне СВ была неприятной необходимостью, поскольку более дешевых билетов попросту не было – поезд был полностью заполнен. Для Тани тот же самый вагон был просто компромиссом, поскольку на ближайшие авиарейсы все билеты были уже проданы.

Столь же разными были и цели нашей поездки. Я ехал встречать и сопровождать какую-то мамину тетку из далекого Благовещенска, которая [по всей видимости] отправилась в предсмертный вояж по всем родственникам, а мы были первыми в списке. Т.е., задача у меня была примитивная до безобразия – утром приехать, пешочком перейти на соседний [Ярославский] вокзал, подождать четыре часа, встретить тетку и вместе с ней вечерним поездом вернуться обратно в наш скучный городишко.

Таня же ехала получать британскую визу.

Как только я узнал, что поеду в СВ, в моем воображении сразу же нарисовалась унылая картина многочасового путешествия один на один с каким-нибудь престарелым чиновником областной администрации,

который будет называть меня "молодой человек", в одиночку пить коньяк и разглагольствовать о судьбах отечества.

Едва я появился в дверях купе, лицо Таниной мамы, которая приехала провожать единственную дочь, моментально омрачилось. По всей видимости, весь мой внешний вид заставил ее внутренний голос шептать: "Забирай ее! Уводи! Зачем тебе внуки от плебея?" Вероятно, что тот самый престарелый попутчик-импотент, который так страшил меня, был в ее воображении идеальной компанией для Тани на эти полтора десятка часов пути. Ну подумаешь, что мозг дочери опухнет от бесконечного восхваления единственно верного пути построения вертикали власти.

Я не стал мешать прощанию родителя и чада – вышел покурить в тамбур. Когда поезд тронулся, а я вернулся на свое место, Таня, завернувшись в плед, равнодушно смотрела в окно. Из ее наушников мерным наркотическим бредом разливались звуки Champagne Supernova.

Что ж, Oasis в плейлисте у гламурной особы – это весьма неплохо.

Первые пару часов пути мы молчали, занимаясь каждый своим делом – она слушала музыку и что-то читала, а я просто лежал на своем месте и даже немного поспал. Затем я решил, что выдержал уже достаточную паузу и теперь можно запросто отправляться за пивом в вагон-ресторан.

Иногда при первом разговоре с незнакомыми людьми я бываю ужасно косноязычен. И этот раз не стал исключением.

- Я собираюсь немного за напитками, в этот, в вагон-ресторан. Ну, пива немножко, наверное. Или что-нибудь будешь там?

Таня удивленно посмотрела на меня, молча открыла свою сумку, достала оттуда бутылку шампанского и поставила ее на стол. Затем, наконец, произнесла:

- Если ты не возражаешь, конечно!

Шампанское, две бутылки вина и почти три литра самодельной "отвертки" [литр водки плюс два литра апельсинового сока] к концу пути заставили меня признать, что хотя я и не могу даже допустить возможности влюбиться в Таню, но собутыльник она отличный. Насмешливые взгляды проводницы, несколько раз нарушавшей наше алкогольное уединение, пролетали мимо цели – о сексе не могло быть и

речи. Впрочем, один раз мы все-таки переспали, но это было уже в другой раз.

С тех пор мы изредка общались.

И сегодня, по всей видимости, Настя перестала быть моей единственной компанией. Правда, мне жутко не нравится Танин будущий муж [как-то там его зовут], который несколько месяцев назад по необъяснимой прихоти превратился из блондина в брюнета, но его присутствие, как бы печально это не было, необходимо отнести к категории "издержки".

Танина компания явно не была настроена всю ночь отсиживаться в чиллауте, поэтому уже буквально минут через двадцать мы все-таки переместились на танцпол. Увидев мою растерянность, Настя достаточно сильно стукнула меня по голове и прокричала:

- Я же сказала тебе – забей! Подумаешь – какая-то Вита!

Тут же откуда-то появился Алешка, сначала обнял меня, затем схватил за руку, резко дернул ее вверх и очень громко крикнул прямо в ухо: "Хэй-ей-ей-ей-ей!", повторяя за диджеем.

Я не знаю, что в клубах подмешивают в напитки и распыляют в воздухе, но не может быть, чтобы ничего. Потому что уже много раз, наблюдая сам за собой, я видел совершенно другого человека в том парне, который скачет по танцполу, машет руками, делает какие-то замысловатые движения руками, прыгает и очень громко кричит.

Когда мне было шесть лет, мои родители почему-то очень хотели, чтобы я занимался танцами. Меня отвели на прослушивание в какую-то местную студию [или как там это называется?], где с десятков детей должны были выполнять разные указания преподавателя, своеобразным образом показывая свою способность к танцам. В моем случае прослушивание [или все же «просматривание»?] заняло меньше 5 минут. Педагог отвел мою маму в сторонку и очень просто сказал: "Не буду врать. Может быть, ему лучше на скрипке попробовать? Или на фортепиано?"

Мое счастливое заблуждение о собственных танцевальных способностях продолжалось довольно долго. О том беспощадном вердикте мне рассказали значительно позже, лет в 14. С тех пор у меня жуткий комплекс по этому поводу. Но стоит мне оказаться в клубной толпе, как это предубеждение вдруг почему-то самоликвидируется: часто меня

даже приходится останавливать. Успокаивает только одно – после вот этих клубных вечеринок, литров бухла и килограммов дури мало кто помнит, что и как на самом деле было вокруг. Каждый эгоистично озабочен последствиями собственного поведения и восприятия – как, что, сколько, где, с кем? Наверное, именно это и спасает меня от очередных приступов самоуничтожения, на этот раз - из-за танцев на вечеринках. Потому что я сам ничего особенного вспомнить не могу, а никто и не рассказывает.

- Пойдем со мной! – Настя, вероятно, даже кричала, но я догадался только по движению губ.

- Куда?

- Пойдем!

Ну что ж, если женщина просит...

За двадцать лет собственной жизни я в первый раз оказался с девушкой в одной кабинке туалета. Да, вот такая у меня скучная жизнь – я не умею трахаться в сортирах. Несколько раз я пытался представить, как это можно сделать – мне кажется, что это жутко неудобно. К тому же, врожденная брезгливость...

Впрочем, все оказалось совсем не так, как я представил себе изначально: Настя довольно нервно извлекла откуда-то пакетик с белым порошком, зеркальце и трубочку для коктейлей.

- Давай, ты первый, - приказала она.

Ох, как бы я хотел, чтобы сейчас на ее месте была Лера. Без зеркальца и порошка. И по фигу на брезгливость.

- Хэй-ей-ей-ей-ей!

- Хэй-ей-ей-ей-ей!

- Хэй-ей! Хэй-ей! Хэй-ей! Хэй-хэй-хэй-хэй!

Лера. Лера. Лера. Лера. Лера. Лера. Лера. Лера.

I know you want me. You know I want you. I know...

Боже, да что на самом деле я знаю о ней?

Несколько часов, проведенных вместе.

Десятки страстных минут.

Это неповторимое первое впечатление. Эта улыбка.

Лера, я хочу тебя защищать! Я знаю, что ты беззащитна! Ты не представляешь насколько сильно это все. Насколько я понимаю, что тебе нужно. Я и есть та нежность, которую ты ищешь. Я – тот самый человек,

который утром побежит за сливками, когда ты хочешь кофе. Я буду разговаривать с твоим деканом, когда он не допускает тебя до сессии. Я тот, кто говорит, что двойной чизбургер не вредит твоей фигуре. Я тот человек, которого хотят все твои подружки. Я могу быть больше, чище, слаще, вкуснее, надежнее, откровеннее, романтичнее...

Да, я буду бить их всех. Только пусть они попробуют. Не стоит говорить такие вещи той девушке, которую я люблю. Не думай, что ты достоин ее. Никто не достоин ее. Никто не донкихот, все козлы. Я тоже козел. Но я могу быть тем козлом, который круче донкихота. Ведь никто никогда... Никто никогда... Не любил...

Еще? Давай еще!

А! За Алешку!

Ты мой лучший друг! Да, я влюбился! Первый раз в жизни! Что? Ты?

Ты – просто друг, а один раз – не пидорас! Прости, Леха! Просто вырвалось!

Что она делает сейчас? С кем она?

Почему меня так тянет к ней?

Во сколько будет ближайший самолет до Москвы? Сколько у меня с собой денег?

...

...

- .. не против... поедем... у меня дома бардак... представляешь... она не будет против... не спорь... я знаю... спасибо!.. это мы... сколько?.. ха-ха-ха... вообще, он хороший... куда прешь, мудила!.. я видела этот фильм!.. и тут он мне говорит...

@@@

Я точно знаю, как мне можно было бы стать миллионером. Ну, точнее, наверное, все же не миллионером, но просто достаточно богатым человеком. Нужно найти ученого, который исследует человеческий организм в похмельном состоянии, и сдавать ему себя в аренду с почасовой оплатой. Я, конечно, не знаю расценок на этом рынке, но думаю, что максимум за год я смог бы накопить денег на небольшой домик на берегу Средиземного моря.

Впрочем, гораздо более вероятно, что я потратил бы свой гонорар на то, чтобы вычислить, найти и зверски убить того человека, который придумал виброзвонок!

Кто-то очень настойчиво звонил уже в третий или четвертый раз. Где-то на задворках организма еще пульсировали отголоски звуковой волны с Алешкиной вечеринки. Они никак не совпадали с ритмом виброзвонка на моем телефоне. Это несовпадение было настолько раздражающим, что я все-таки ответил. Просто, чтобы не мучить себя дальше.

- Алло!

- Миша, сынок, где ты?

Иногда мне кажется, что если мама не поговорит со мной раз в сутки, то у нее начинается вполне реальная, физическая ломка. Как-то так получилось, что последний раз я разговаривал с ней, стоя перед Лериным подъездом, когда шел сюда в первый раз. А ведь прошло, по всей видимости, уже гораздо больше суток.

Я не стал тратить много сил на объяснения. Просто сказал, что все еще отсыпаюсь после дня рождения дома у друга. Я даже представил себе, как сжались мамины губы, но дольше говорить я уже не мог. Прости, мама!

Второй день подряд начинается с насильственного пробуждения. Пора, наверное, начинать привыкать.

Организм, сука, почувствовал, что мозг откликается на внешние раздражители, и решил добить позывами внутренними. Ему, видите ли, срочно понадобилось в туалет. Говорят, что нельзя долго игнорировать желание своего мочевого пузыря избавиться от балласта. Что-то там с маткой происходит, потом рожать трудно... Боже, что я несу? Мой мозг уже давно превратился в какое-то хранилище никому не нужной информации, которая совершенно не к месту...

Стоп!

Знаете, как это бывает в кино, когда герой фильма вдруг вспоминает какие-то забытые минуты из прошлого? Вот в тот момент со мной произошло то же самое:

- щелк! и вот я пью последнюю рюмку текилы! [черт! они все-таки заставили меня пить текилу!];

- щелк! Настя что-то очень жарко шепчет мне на ухо, я упорно не соглашаюсь, но в конце концов сдаюсь;

- щелк! мы едем... мы! МЫ!

Да, точно! Я же приехал обратно к Лере не один. Настя очень долго упрашивала меня, чтобы поехала она и... Кто?

После туалета я поплелся на кухню за чем-нибудь жидким – отомстить мочевому пузырю. Ответ на вопрос, кто же был тот третий, с кем мы приехали сюда, оказался очень интересным – на кухне в кресле, завернувшись в плед с какими-то китайскими узорами, сидел Павел Воля. Он смотрел мультфильмы, выключив звук, и ел что-то из прозрачной пластиковой емкости.

- Курица с ананасом. Очень вкусно, кстати. Там в холодильнике еще есть, - даже не повернув головы, сообщил он мне.

О! Закуски со вчерашней вечеринки. Дополнение к гонорару? Или это была моя идея забрать все с собой?

- Шампанское будешь? – я решил, что стоя в одних трусах не имеет смысла обращаться даже к незнакомому человеку на "вы". Шампанского, кстати, мы прихватили с собой целых четыре бутылки.

- Неа. Слушай, а может, ты лучше за коньяком сходишь? Просто представляешь это шоу – Павел Воля в местном супермаркете? К тому же, я не знаю где тут что. А я пока Настю разбужу.

Возможно, кстати, это было даже лучше, чем присутствовать при их утренних неловких нежностях. Быть свидетелем таких моментов гораздо хуже, чем участником. Даже когда ты сам познакомился с девушкой в клубе, привез ее к себе, переспал, а наутро обнаружил ее белокурую [да, я предпочитаю блондинок] голову на соседней подушке, всплывающие воспоминания прошедшей ночи иногда заставляют краснеть. А уж когда ты поневоле наблюдаешь, как то же самое происходит с кем-то другим...

Впрочем, конечно, гораздо хуже, если вместе с белокурой головой девушки в твоей постели не окажется тела, которому она принадлежала. Интересно, что бы я стал делать в таком случае? Искать тело? Вызывать милицию? Закапывать голову?

Брррр, что за чушь?

Купив [кроме прочего] две бутылки коньяка, я направился в сторону дома, но подумал, что прошло еще не так много времени, если вдруг они

там решили немного «понежиться». Несмотря на обычную воскресную обеденную обстановку [молодые мамы с колясками, владельцы собак с ошалевшими от предоставленной свободы питомцами и всякие разные пенсионеры], пара скамеек на бульварчике возле Лериного дома все же были свободны. Можно спокойно покурить, понаблюдать за прохожими, выпить банку пива.

В нашем городе вообще-то довольно сложно остаться в одиночестве где-либо кроме собственной квартиры. Практически везде обязательно встретится какой-нибудь знакомый, который непременно тебя узнает и захочет поболтать. Поэтому я оказался очень сильно удивлен, когда просидел целых пятнадцать минут никем не потревоженный. Впрочем, ясности в мыслях у меня не прибавилось, а желание как можно скорее увидеть Леру только увеличилось. До ее приезда оставалось чуть меньше суток – очень-очень долго...

Пашу и Настю я обнаружил стоящими около подъезда, рядом неторопливо тархтело такси. Водитель, нисколько не смущаясь, снимал их на камеру мобильного. Воля, казалось, этого вообще не замечал.

- Где ты ходишь? – раздраженно проговорила Настя, - я тебе уже раз двадцать, наверное, позвонила!

Оказалось, я оставил свой телефон в квартире. Оказалось, что им срочно-срочно нужно куда-то ехать. Оказалось, что наконец-то я могу остаться совершенно один – так, как мне уже давно хотелось.

Обменяв коньяк на ключи от квартиры, я очень быстро попрощался и скоро уже сидел за столом на Лериной кухне, пил шампанское, смотрел в окно и грустил.

Проснулся я там же – за кухонным столом. Сильно затекла шея, совершенно не чувствовалась правая рука. На ней я, вероятно, спал. Бокал, в котором было шампанское, очутился на полу – сначала мне даже показалось, что он не разбился. Впрочем, он и не разбился, просто очень красиво треснул, не разлетевшись на мелкие части.

Часы показывали начало одиннадцатого вечера. Ровно через двенадцать часов мне нужно было выйти из дома, чтобы успеть к прибытию Лериного самолета вовремя.

Я потянулся, закурил, допил остатки шампанского прямо из бутылки и решил сейчас же приступить к уборке.

Пока я мыл посуду, наполнял мусорное ведро недоеденными и засохшими остатками еды, расставлял тарелки и все остальное по местам [на самом деле, я не знал точно, что и где должно стоять - просто предполагал], я никак не мог понять, что же меня так беспокоит.

Только когда я снова уселся в то удобное кресло возле окна, снова закурил и открыл еще одну банку пива, я понял что к чему – мне снова приснился тот же самый сон. Опять была та же автобусная остановка в незнакомом месте, беснующаяся толпа, полная неопределенность в том, куда и зачем мне надо ехать.

Но в этот раз во сне было четкое, очень явное чувство. Или ощущение. Или понимание. Собственно, совершенно не важно, как именно назвать это состояние – в любом случае оно было чрезвычайно неприятным.

Я абсолютно точно знал, что я умер. При этом я знал, что умер совсем недавно и сразу после смерти почему-то попал именно сюда, на эту остановку. И все те люди, которые были рядом, – это такие же недавно умершие.

Но между нами было одно очень важное различие. Они все очень хотели сесть в автобус и уехать, а я нет.

И вот сейчас, когда я уже не спал, я понял [хотя, скорее всего, просто додумал], что эти автобусы могли быть возможностью вернуться обратно в свою жизнь. Воскреснуть.

Но я почему-то совершенно не хотел быть одним из пассажиров. И то самое неприятное чувство, которое преследовало меня, было как раз не из-за того, что я умер, а из-за того, что не хотел обратно. Мне совершенно не хотелось возвращаться назад.

В состоянии какого-то невероятного недоумения я просидел, наверное, около часа. Нельзя сказать, что я ни о чем не думал в это время, но ни одна мысль не оставалась значимой хоть сколько-нибудь. Это состояние напоминает видеоролики, сделанные из сотен фотографий. Вот одна из них возникает на экране, и ты тут же вспоминаешь много всего интересного, связанного с этим периодом твоей жизни, но через пару секунд перед тобой уже другой кадр, а ты едва ли можешь вспомнить, что же было до него...

В конце концов я решил больше не мучить себя, а снова лечь спать. К тому же времени на сон оставалось немного.

Засыпая, я думал о том, что вполне возможно, что смысл моего сна был совсем в другом. Может быть, я не умер, а просто у меня многое изменилось. И я не хотел возвращаться не просто к жизни, а в ту старую жизнь. Жизнь, в которой не было Леры...

Новая повесть Михаила Камалеева «Маша Онегина»
на <http://mashaonegina.ru>

Часть 3

@@@

Когда мой бывший одноклассник, который сейчас учится в каком-то английском университете, рассказывал мне, что он потратил на авиабилет из Лондона до Риги чуть больше шести евро, я ему отчаянно не верил. Мое неверие длилось не дольше пары минут, пока он искал этот билет в своей сумке. Судя по затрепанности, билет в качестве подтверждения слов предъявлялся, наверное, уже не первый десяток раз.

С самого раннего детства полеты на самолетах были для меня каким-то невероятным волшебством. Первый раз я стал авиапассажиром уже довольно поздно – в шесть лет. Я очень хорошо помню этот день. Это уже само по себе необычно, потому что вообще-то мои детские воспоминания [лет до семи] ограничены парой-тройкой каких-то смутных эпизодов. Я даже не уверен, что все это реальные события, а не мои фантазии по мотивам просмотра еще черно-белых фотографий того периода.

А вот свой первый полет я помню очень хорошо, включая самые мелкие и, в общем-то, ненужные детали: неестественно-красный цвет газировки, которую разносили во время полета, все время сползающий с головы парик спящей девушки, по всей видимости, очень пьяной и т.д.

Так уж получилось, что в мои детские годы [да-да, те самые "лихие 90-е"] необходимость лететь куда-либо на самолете воспринималась как крайне печальная неизбежность потратить очень крупную сумму денег.

Впрочем, и сейчас, несмотря на то, что за один билет из моего города в Москву уже не надо выкладывать половину ежемесячной папиной зарплаты, я все равно воспринимаю перелеты с тем самым детским восторгом почти как новый год [типа «ну наконец-то!!!»]. Мне нравится все, даже то, что местные авиакомпании до сих пор эксплуатируют допотопные Як-40 – этикие летающие икарусы на 36 человек.

И получается, что с одной стороны билет за шесть евро – это бесконечно круто, ведь тогда можно будет летать хоть каждый день, но с другой я абсолютно уверен, что мгновенно исчезнет это волнительное чувство из детства.

Я стоял на крыльце обшарпанного здания местного аэропорта, курил и рассматривал людей, которые так же, как и я, приехали кого-то встречать. Правда, примерно половина публики состояла из таксистов, некоторые из которых уже пытались лениво торговаться со встречающими. До посадки Лериного самолета оставалось меньше десяти минут, солнце ослепительно светило, не было ветра и на очень недолгое время мне показалось, что уже, например, начало апреля, а никак не вторая половина февраля. Впрочем, это впечатление длилось ровно до того момента, пока мой взгляд не набрел на темно-серые горы снега, наваленные вокруг автомобильной стоянки. Настроение моментально спикировало в свое обычное состояние неуверенного [или, скорее, безнадежного] ожидания чего-то хорошего.

Самолет подрулил практически к зданию аэропорта, поэтому не было необходимости ждать, пока пассажиров довезут на автобусе. Лера вышла одной из первых, легко сбегала вниз по трапу и уже очень скоро я наконец-то держал ее руку в своей, а она смешно морщила нос, потому что моя почти подростковая щетина щекотала ее, когда мы поцеловались. Багажа у нее не было, только небольшая легкая сумка, поэтому мы первыми попали под словесный обстрел роты таксистов, которые теперь уже были настроены решительнее, чем защитники Сталинграда.

Всю дорогу до ее дома она рассказывала о том, что рядом с ней в самолете сидел какой-то очень смешной и пугливый дядечка, который очень боялся лететь, о том, что в Москве уже практически нет снега, очень солнечно и тепло, и что она случайно забыла расплатиться за кофе в каком-то ресторанчике, а потом заблудилась где-то в районе

Новокузнецкой и три или четыре раза прошла по кругу по каким-то запутанным переулкам. Но она ни слова не сказала о том, зачем вообще она туда ездила и все ли прошло удачно. Впрочем, я и сам не очень-то хотел говорить об этом.

Вообще, я чувствовал себя очень странно. Как будто у меня амнезия и я просто не помню, что Лера мне очень близкий и любимый человек. Просто мне кто-то об этом сказал, а я пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь из прошлой жизни, у меня не получается, но по ее поведению и счастливому выражению лица я понимаю, что мне не наврали, что это действительно так, что она все помнит. Но на самом-то деле я знаю, что впервые увидел ее всего два дня назад! Все происходящее вполне могло сойти за какую-нибудь телевизионную передачу с дурацкими и жестокими розыгрышами, в которой мне по ошибке рассказали все секреты.

Но через час, когда я абсолютно голый ходил на кухню за шампанским, которое мы потом пили в постели прямо из бутылки, все странности уже казались мне довольно закономерными. И вообще не могло быть ничего лучше, чем вот так проваляться полжизни вместе, не отвечать на телефонные звонки, смотреть глупые сериалы, складывать окурки в пустые бутылки, придумывать куда бы пойти сегодня вечером, абсолютно точно зная, что никуда мы на самом деле не пойдем, а будем так же валяться, не отвечать на телефонные звонки, смотреть глупые сериалы...

@@@

Проблемы с учебой оказались для меня полной неожиданностью. Как-то само собой, без какого-либо внимания и интереса с моей стороны, оказалось, что уже почти середина апреля, что второй семестр этого учебного года уже перевалил за свой экватор, а я появлялся на занятиях всего четыре раза. А еще, оказывается, для всех студентов третьего курса [т.е., и для меня тоже] реальностью стала промежуточная аттестация - своеобразная репетиция сессии посреди семестра.

Моя же персональная реальность была гораздо более приятной, разнообразной и необременительной: к этому времени я окончательно

поселился в Лериной квартире. Все происходящее было очень похоже то ли на медовый месяц, то ли на первые недели после получения многомиллионного наследства.

Правда, с какой-то непонятной мне периодичностью Лера уезжала в Москву на два-три дня, при этом цели ее поездок тоже оставались для меня загадкой. Но мы никогда это не обсуждали. Было понятно, что она совершенно не хочет этих разговоров. Да и, собственно, зачем мне было вникать в такие незначительные детали? В конечном итоге, может получиться, что буквально завтра мы так же быстро охладеем друг к другу, как пару месяцев назад за несколько дней каким-то невероятным образом стали очень близки.

К слову, и в нашем городе у нее тоже постоянно были какие-то дела, в которые она меня не посвящала. Довольно часто она разговаривала с кем-то по телефону, уходя в другую комнату, а иногда куда-то ездила, но не брала меня с собой. Я не придавал этому совершенно никакого значения, потому что вся эта ее деятельность не занимала много времени, а я находил, чем заняться.

Именно в один из таких Лериных отъездов в Москву неприятные новости из университета мне сообщила Настя. Она как обычно позвонила, чтобы выяснить наши планы на субботний вечер, немного расстроилась из-за того, что Леры снова нет, но это не помешало нам встретиться и посидеть в недавно открытом баре на соседней улице. Там-то она и рассказала мне о том, что моя фамилия открывает «почетный список позора», вывешенный в деканате. Получается, что я поставил своеобразный рекорд – у меня нет задолженностей только по одному предмету.

Конечно, радоваться было совершенно нечему, но я не чувствовал совершенно никакого волнения.

Уже довольно давно я обнаружил у себя одну немного странную особенность – я практически всегда понимаю [или угадываю] в каких случаях не стоит переживать и расстраиваться из-за возникающих проблем. Я знаю, какие проблемы решатся сами собой, каким-нибудь случайным образом, без моего вмешательства.

В детстве, когда у меня попросту еще не было проблем, а были какие-то желания, я довольно точно знал, что из моих мечтаний

воплотится в жизнь, а что нет. Именно поэтому я крайне редко что-либо просил у родителей. Так выходило, что все складывалось как бы само собой.

Затем, когда я стал старше и начали появляться уже именно проблемы, которые необходимо было решать, прикладывая какие-то усилия, предпринимая какие-то самостоятельные действия, я все равно угадывал в каких случаях стоит напрягаться, а когда не имеет смысла даже просто обращать внимание. Так получилось, например, на вступительных экзаменах в университет [раз уж речь зашла об учебе].

Математика никогда не была в списке школьных предметов, которые я любил. Впрочем, нет вообще ничего, связанного с математикой, чем я мог хотя бы чуть-чуть гордиться. Однако на вступительных экзаменах пришлось-таки сдавать письменную работу по алгебре. Несмотря на это, я совершенно не волновался, да и не готовился особо – каким-то образом чувствовал, что мне просто повезет. Так и вышло.

Экзамен проходил в большой университетской аудитории, в которой каждый следующий ряд располагается выше предыдущего. Взяв билет и заняв свое место, я даже без какого-либо удивления обнаружил, что два задания из трех [как раз те два, которые я не знал] в моем билете точно такие же, что и в билете какого-то «ботаника», который сидел на ряд ниже меня. Списать, сидя на полметра выше, - это уже просто дело техники.

Вот и сейчас, выслушав Настю, я совершенно не расстроился и не испугался. Я чувствовал, что причины для беспокойства нет, что в самое ближайшее время проблема будет решена.

Настю мой рассказ совершенно не впечатлил, а моя уверенность в легком разрешении всех сложностей ее даже разозлила. Она закуривала новую сигарету и собиралась с мыслями, чтобы обрушить на меня новый поток нравоучений, когда виброзвонок моего мобильного заставил все пивные кружки, стоящие рядом, пережить небольшое цунами. Звонила Лера.

Мы разговаривали недолго, всего минуты три или четыре, но последствия этого разговора были для меня очень и очень неприятными. Лера сообщила, что ей придется задержаться у сестры еще на пару недель. Или даже чуть больше. Что ничего страшного не случилось, просто некоторые трудности. Впрочем, даже не трудности, а так – мелкие

затруднения. И что она меня очень любит, и что очень-очень сильно скучает, и что будет звонить и писать sms каждый день...

И вот тогда я уже расстроился. Вот это уже была та проблема, которая не могла разрешиться сама собой. Точнее, у нее было вполне определенное решение – необходимо было терпеливо ждать. Но меня это совершенно не устраивало. Зато Настя сразу же снова завела разговор о моих университетских долгах и сказала, что именно сейчас, пока Лера в Москве, у меня есть прекрасная возможность все исправить, ни на что не отвлекаясь.

Она, безусловно, была права. Но самая главная проблема в том, что единственное, от чего я не хотел отвлекаться, – это Лера.

@@@

Алкогольные маршруты временно одинокого мужчины чрезвычайно замысловаты. В этой разрушительной войне сознания с самим собой наверняка присутствует какая-то глубоко скрытая внутренняя логика. Возможно, существуют даже хорошо проработанные планы молниеносного вторжения на территорию противника и детально прорисованные карты местности. Но в любом случае победителями почему-то всегда оказываются кассы баров и супермаркетов.

Двенадцать дней в ожидании Леры я провел так, будто песня «Добрых дел мастер» - это про меня. Местные дворовые алкоголики довольно быстро прониклись ко мне симпатией и не злоупотребляли просьбами «выручить копеечкой». Они прекрасно знали, что пара бутылок пива на их долю обязательно перепадет.

Каждое утро начиналось с клятвенных обещаний самому себе, что сегодня – последний день, что я буду держать себя в руках, что вот эти четыре банки на самом деле последние. И что надо собраться и начать ходить в университет.

Двенадцать бесконечных дней были скорее похожи на двенадцать серий какого-нибудь комикса про человека, которого преследует изощренное наказание богов – невероятная скука. В памяти не оставалось ничего, кроме случайных стоп-кадров невнятного фильма, снятого озабоченным своими комплексами режиссером-идиотом. Память же

мобильного телефона заполнялась чьими-то номерами с условными обозначениями типа «igor bar ustrica» или «vitya pivo ulica lenina» [да, я так и не освоил кириллицу в телефоне]. Я придумал специальную систему разграничения контактов – случайные собутыльники записывались с маленькой буквы. Охранники злчных заведений, в которых не протирают столы, потому что местная публика этого даже не замечает, начали здороваться со мной за руку.

Единственное, чего я себе не позволял – случайных девиц в постели. Впрочем, и неслучайных тоже.

Когда постоянно пьешь, реальность начинает напоминать упавшие в воду картинки из журнала «Мурзилка». Вдруг, посреди чернильной мути, проступают с детства знакомые очертания Чебурашки или его странноватых друзей, непонятно чем удалбанных. Каждый день сливается с предыдущими: мобильными звонками, полными грамматических ошибок сообщениями вконтакте, синяками на локтях, невнятными разговорами посреди бульвара, липкими скамейками, забитыми волжским песком кедрами, неприятными рукопожатиями бывших друзей. А еще эти любимые футболки цвета британского флага, которые ты каждый день кладешь в стирку, но забываешь постирать. А еще есть мама, которой ты каждый день обещаешь, что приедешь на ужин.

И мама реально страдает. Она же все понимает, просто не хочет говорить. И все равно, что у нее есть еще дети, кроме тебя. Они, кстати, тоже ебут мозг своими звонками, и тоже обещают приехать сегодня на ужин.

Каждое утро ты чувствуешь себя сволочью. Той самой сволочью, из-за которой на Страшном Суде пострадают все без разбора: невинные дети, владимиры владимировичи путины [которым, кстати, как раз самое место в аду], девственные страдалицы из монастырей, которые ни в чем не виноваты, впрочем, какая разница?..

Почему именно я должен отчитываться за всех вокруг? Почему я должен чувствовать себя гадом, когда любая мелкая корпоративная сошка испражняет из себя гораздо больше ненависти ко всему окружающему, чем сам Нерон?

Стоп.

Пора перестать употреблять.

@@@

За все время наших довольно нелепых отношений мы с Лерой поругались всего один раз. Ссора была очень короткой, но в буквальном смысле разрушительной: Лера разломала на части купленный в ИКЕА торшер, швырнув его на стеклянный столик, который, к слову, тоже треснул. Я же разбил о стену свой мобильный телефон и оставил на Лериных запястьях довольно сильные и заметные синяки, когда пытался ее успокоить. После этого случилось долгое, растянувшееся почти на два часа, истерическое молчание. Впрочем, закончилось все не менее истерическим примирением: Лера не смогла сдержать смех, когда я зашел в комнату, чтобы все-таки высказать ей пару накопившихся гадостей, но споткнулся о валявшийся на пороге стул, несколько раз скакнул на одной ноге, стукнулся головой о стеллаж с книгами и в результате уперся вытянутыми руками в стену, остановившись в позе арестанта на обыске. Гадости уже вылетели из головы, а сам мой вид, конечно, так и напрашивался на то, чтобы посмеяться.

Сейчас же мы находились на грани новой ссоры. Никому не хотелось выяснения отношений, но и уступить никто не собирался.

Это и был, видимо, именно тот момент, когда двое влюбленных друг в друга людей становятся не просто парой, которую связывают только секс и совместное времяпрепровождение. Или не становятся. В моей жизни это происходило впервые, и я чувствовал себя очень неуверенно. Впрочем, я с большим трудом могу вспомнить ситуации, в которых я чувствовал бы себя на сто процентов уверенным. Моя большая проблема как раз в том, что я постоянно сомневаюсь в правильности и нужности собственных поступков, даже уже совершенных. Я точно не отношусь к тому типу киногероев, которые сначала всю ночь не спят, мучительно размышляя, а с утра начинают действовать, отбросив все сомнения. Это не означает, что я могу бросить начатое дело... Черт, да кого я пытаюсь обмануть?

А еще я не умею принимать решения «здесь и сейчас». Для меня огромной пыткой являются ситуации, когда несколько человек [в том числе и я] садятся и пытаются договориться о чем-либо. Конечно, если речь не идет о выборе фильма, который хотелось бы посмотреть. Решения зреют во мне какое-то время. При этом я не думаю о существующей проблеме

специально, просто получается, что в какой-то момент я понимаю, что хочу сделать так, а не иначе.

Впрочем, в данном случае мне не нужно было ничего решать. Все уже было решено, а мое мнение, в общем-то, никого не интересовало. Лера просила меня выполнить одно деликатное поручение, которое мне совершенно не нравилось. При этом рассказывать подробности она совершенно не собиралась, что и являлось основной причиной моей злости. К тому же, это дело предполагало новую, пусть и недолгую, разлуку с ней. А ведь прошло всего четыре дня с тех пор, как она вернулась.

Мне нужно было отправиться в Москву, поехать в какой-то поселок за пределами МКАД, зайти в дом ее друзей [ключи у Леры были], которые уехали куда-то отдыхать, и забрать какую-то папку с очень нужными документами, которую она там случайно оставила. Нелепая сцена из второсортного детектива.

При этом, сделать все нужно было уже завтра. Утром улететь туда, а вечером вернуться.

Сама она отправиться туда не может, потому что [вот сюрприз!] именно завтра в нашем городе у нее оформление сделки по продаже еще одной папиной квартиры. Интересно, что еще я не знаю про нее?

- Почему это не может сделать Рита?

- Потому что я не хочу, чтобы она об этом знала! К тому же, ключи есть только у меня. Пока я их отправлю Рите, пока она туда съездит... И вообще, это не обсуждается! Я не хочу, чтобы она об этом знала.

- А если там кто-то будет?

- Там никого нет, ты не слышишь? Они уехали на целый месяц в Испанию, я их сама провожала. Миша, ну пожалуйста, мне это очень надо!

Было видно, что Лера очень сильно нервничает. Ее обычное полусонное добродушие сменилось стервозной истеричностью. Она была похожа на подростка, которого не пускают в ночной клуб на концерт любимой группы.

Все это мне бесконечно не нравилось. И не только потому, что сама ситуация была какой-то невероятно нелепой. Меня не покидала тревога по поводу того, что эта поездка навсегда изменит наши отношения, что они больше никогда не будут такими легкими и трепетными. Несмотря на все

мои чувства к Лере, я очень не хотел, чтобы мы превратились в одну из тех самых как бы семейных пар, которые озабочены тем, что они будут есть на ужин, и вообще все их разговоры вертятся вокруг каких-то мелких бытовых вещей вроде засорившейся раковины.

Или я просто слишком серьезно воспринимаю все это?

В любом напряженном разговоре есть такой момент, когда становится понятно, что катастрофы удалось избежать. Если, конечно, она не случилась раньше. Вообще, надо сказать, сдался я довольно быстро. И как-то незаметно мы уже стали рассчитывать, сколько времени у меня уйдет на то, чтобы добраться от Домодедово до дома ее друзей и обратно, смотрели в интернете расписание электричек и погоду в Москве на завтра. При этом, собственно, я так и не высказал вслух свое согласие. Просто вдруг оказалось, что все уже решено.

@@@

Лера не поехала меня провожать. В основном потому, что я сам этого не хотел.

Она почему-то очень нервничала, казалось, что постоянно о чем-то думала, что, впрочем, не помешало ей этой ночью быть особенно нежной и ненасытной.

Я вообще люблю путешествовать в одиночестве, и мне не очень-то и нравится, когда меня кто-нибудь провожает. Все время возникают какие-то неловкости, когда никто не знает, что же еще сказать. И непонятно, когда уже можно окончательно попрощаться и разойтись в разные стороны. Особенно, если потом ты какое-то время слоняешься бесцельно по зданию аэропорта в ожидании вылета и терзаешь себя мыслью о том, что можно было провести вместе еще пятнадцать минут.

Мне досталось место в самом конце салона и очень повезло с тем, что соседнее кресло было никем не занято. Я неожиданно легко уговорил стюардессу выдать мне пару банок джин-тоника, хотя обычно на утренних рейсах пассажирам алкоголь не предлагают. В целом, учитывая, что в сумке у меня лежала еще не прочитанная последняя часть «Дневников Адриана Моула», следующие два с небольшим часа я провел в очень благодушном настроении. Я совершенно не вспоминал о цели своей

поездки, а вчерашний неприятнейший разговор с Лерой казался просто досадным впечатлением от незабытого сна.

К концу полета я все-таки уснул, поэтому все мое недолгое пребывание в Домодедово практически не оставило никаких впечатлений. Огромное количество людей, невероятное обилие магазинчиков и кафе, вальяжно прогуливающиеся стайки милиционеров, уборочные машины – все это было просто декорациями. Мысли мои снова были заняты этим дурацким сном про автобусную остановку, который не давал мне покоя уже долгое время. Иногда даже я попросту боялся засыпать, чувствуя, что это навязчивое наваждение будет снова меня преследовать.

Мой билет позволял мне бесплатно воспользоваться поездом-экспрессом до Павелецкого вокзала – это было очень приятным сюрпризом. Всю эту недолгую поездку [минут сорок, не больше] я пытался сообразить, как мне лучше отправиться сегодня домой – билет в обратную сторону мы не купили, потому что было все-таки не ясно сколько времени займет у меня выполнение Лериной просьбы. Сейчас я все больше склонялся к тому, что нужно будет ехать на вечернем поезде – мне казалось, что так будет надежнее. Тем не менее, я оставил необходимость принять решение на потом.

Утренний час пик в метро уже прошел, поэтому я не испытывал обыкновенной паники, которая обычно начиналась у меня сразу после того, как я проходил через турникеты. К тому же ехать мне предстояло всего четыре станции, до «Киевской», причем без пересадок, по кольцевой. На каждой станции печальный голос нежным бархатом призывал меня и других пассажиров быть «взаимно вежливыми» друг к другу и уступать места беременным женщинам.

Площадь Киевского вокзала встречает каждого выходящего из метро истеричными хриплыми криками «ааавтобус нааа Брянск, нааа Брянск ааавтобус». Их издает женщина, внешний вид которой явно показывает, что основная часть ее заработка уходит на ежевечерние распития дешевого пойла в сомнительных компаниях. Особенно красноречиво эту тайну выдает застарелый, уже пожелтевший, синяк под левым глазом. Солидных размеров мужчины родом с Кавказа, пристально глядя в глаза, вкрадчиво шепчут таинственную мантру, которую разбираешь не с первого раза: «рози рози падишэвли маладой чилавэк за цвитами». Нисколько не

смущаясь стоящих рядом служителей правопорядка, в урнах неторопливо копошатся колоритного вида бомжи. Над всем этим витает жирный запах шаурмы, которую делают в добром десятке ларьков, расположенных в ряд один за одним. На другой стороне площади – совершенно другой мир. Гигантский торговый центр с сотнями магазинов, ресторанов и прочих оазисов мелкобуржуазного счастья.

Мне не очень повезло – ближайшая электричка до нужной станции отправлялась лишь через пятьдесят минут. Купив в кассе билет, я решил исследовать окрестности – я очень хотел посмотреть на тот самый Кутузовский проспект, который, по рассказам местных жителей, практически ежедневно перекрывают для беспрепятственного проезда главного обитателя Кремля.

Впрочем, до проспекта я так и не дошел, удовлетворившись недолгой прогулкой по параллельной Большой Дорогомиловской улице и последующим посещением бесплатного туалета в Макдональдсе. Совсем недалеко – Москва-река, на другой стороне которой очень хорошо было видно здание МИДа. Это значит, что там находится Арбат. Я твердо решил прогуляться до него пешком на обратном пути, особенно, если потрачу не так много времени.

Мне предстояло проехать девять остановок, до станции «Лесной Городок». Судя по расписанию, дорога занимает чуть больше получаса. Загрузив в плеер все имеющиеся у меня песни Placebo, я отправился занимать место в электричке. В самом первом вагоне жутко пахло сортиром. Впрочем, это не мешало нескольким бомжам крепко спать, развалившись прямо на сиденьях. Я прошел еще пару вагонов, нашел свободное место возле окна, закрыл глаза и дал себе обещание продержаться и не курить до самого места назначения. Ненавижу курить в тамбурах.

В наушниках Молко расплескивал на всю вселенную тонны трагизма [“it’s just a song to say goodbye!”], когда кто-то очень грубо пихнул меня в плечо. Это оказался контролер, в глазах которого трагизма было не меньше, чем в песне. Собственно, мне предстояло выходить уже на следующей станции, поэтому после проверки моего билета я встал и направился к выходу.

Черт, я же обещал себе не курить в тамбуре!

@@@

Лесной Городок оказался типичным мелким подмосковным поселком, который разделен на две неравные во всех смыслах части: большую часть территории занимают коттеджи, а основная масса жителей живет в наскоро слепленных новостройках или уродливых трехэтажных бараках неизвестного года застройки. Нужный мне дом находился совсем недалеко от платформы и нашел я его на удивление быстро. За всю дорогу я встретил всего трех человек. Было очевидно, правда, что где-то недалеко бурлит жизнь – в нескольких сотнях метров было слышно оживленное движение на каком-то шоссе.

Пока что все было именно так, как и рассказывала Лера: высокий красный забор, который открывается не только ключом, но и с помощью кода на электронном замке. За забором – довольно широкая тропинка, выложенная тротуарной плиткой, которая огибает дом и ведет прямо к главному входу. Интересно, что входная дверь находилась с задней части дома. Немного поковырявшись с хитрым замком, я вошел внутрь и мгновенно сориентировался. Лерино описание оказалось максимально подробным и точным.

Открыв дверь в нужную комнату, я машинально вздрогнул и сделал шаг назад – в кресле за столом сидел человек. Впрочем, уже буквально через секунду я понял, что это был не совсем человек, а то, что от него осталось. Труп.

На стене за его спиной были видны кровавые брызги, левая часть лица была залита кровью, когда-то светло-голубая футболка тоже изменила свой цвет.

Я почувствовал, как сильно застучало что-то в моих ушах. Мое лицо, наверняка, сразу же стало багровым – так всегда происходит, когда я пугаюсь. И в этот момент я услышал быстрые шаги позади себя, и в ту же секунду что-то очень сильно ударило меня в затылок. Сознание я не потерял, но в глазах потемнело, голова закружилась и я резко рухнул на пол. Почти сразу же я почувствовал, как чьи-то руки схватили меня подмышки и начали поднимать. Я не мог удержать голову в одном положении. Казалось, что она сейчас оторвется и покатится все дальше и дальше отсюда, не желая принимать участия в этом кошмаре.

Темнота в глазах не проходила, но я чувствовал, как меня усаживают в кресло, а руки и ноги приклеивают, наверное, скотчем к, соответственно, ручкам и ножкам.

Постепенно стали проявляться очертания комнаты. Мой взгляд пытался зацепиться за что-то одно, в результате я увидел стоящую передо мной красивую и очень худую девушку, которая спокойно что-то пила из бокала с толстыми стенками. Единственный звук, который я воспринимал, - это постукивание кусочков льда о стекло.

- Здравствуй, Миша! Очень рада тебя видеть. На, выпей мартини. Дима, развяжи ему одну руку!

В поле зрения появился внушительных размеров мужик в черной футболке, абсолютно лысый. Он молча освободил мою руку и отошел в сторону, подперев собой дверной проем. Я почувствовал в руке бокал и автоматически выпил его содержимое. Это действительно был мартини. Или чинзано, я не разбираюсь.

- Хочешь еще?

Я только кивнул.

- Меня зовут Рита, я Лерина сестра. Наверное, ты в курсе, да?

Я решил молчать.

- Ты молодец, очень вовремя приехал. Не бойся, никто тебя больше бить не будет. Нам нужно только твоё тело, в смысле – труп.

Она довольно мерзко засмеялась. Вероятно, что кроме мартини в её организме было что-то еще. Например, кокаин.

- Понимаешь, лично к тебе нет вообще никаких претензий, просто все так удачно складывается. Мне даже жалко. Лера говорит, что ты хороший, только наивный и упрямый, но это ведь можно исправить... А ведь какая картина вырисовывается, а? Молодой, дерзкий, горячий, узнаешь, что Лера тебя жестоко обманула. Да, да, не удивляйся – обманула. Вот эта скотина, - она махнула рукой в сторону трупа, - это Лерин муж. Был.

Она допила остатки мартини, налила себе еще. Потом взглянула на мой бокал, добавила и туда.

- Я тебе все расскажу, ты не переживай. Мне кажется, это важно, чтобы ты узнал все как есть. Так вот. Эта скотина – постоянный клиент моего борделя. У меня, ты, наверное, не знаешь, в Москве есть типа клуб. Бордель на самом деле. Элитный, дорогой. И вот он увидел там один раз

Леру. Нет, она не работала, просто постоянно тусовалась там, когда в Москве со мной жила. И вот увидел он ее и с ума сошел. Жениться захотел. Я ее долго уговаривала, но она сдалась. А он такой, нормальный для жизни. Сбитый летчик, но с запасным аэродромом – бабло, дом, две квартиры, машины. И самое главное – никаких родственников. Детдомовец он – ни родителей, никого, и детей нет.

Только теперь я увидел, насколько она была пьяна. Или удолбанна. Или все вместе. Мне очень хотелось курить, но я решил продолжать молчать и вообще ничего не делать. Неожиданно навалилось какое-то необъяснимое спокойствие.

- Вообще, я и сама бы за него пошла, но вот уперся, сука, - подавай Леру и все. А в результате прожили год и началось. То она от него уйдет, то он свалит куда-нибудь с блядьми. Причем, сука, у меня же их и брал. Привычка, типа. А она на развод, а он ей в нос брачный контракт. Подписала, дура, как-то раз спяну от большой любви. А ей по контракту при разводе – хуй. Она ко мне – что делать? Привыкла, знаешь ли, к простой жизни. И я решила, что если бывшей жене ничего, то вдове-то все.

Литровая бутылка уже почти закончилась. Рита посмотрела куда-то поверх моей головы, потом подошла, потянулась, достала сверху еще одну.

- Она взяла и на родину вдруг свалила. Спряталась типа. Дура. Но тут ты очень вовремя появился. Я, правда, про тебя только месяц назад узнала, Настя рассказала. Но я сразу все поняла, что надо делать. Леру долго уговаривала, но не в любви тут, Миша, дело, а в другом. Она же тоже хочет жить хорошо. И чтобы учиться, и чтобы без проблем с деньгами, и чтобы не въебывать как я, идиотка, круглыми сутками на этой блядской работе. Мы сейчас все удачно так сделаем – похороним, поплачем, в наследство вступим, потом продадим все это добро. Тут же миллиона на три имущества. Еще не все пробухал. И уедем мы куда-нибудь в Европу. Университеты. Думаешь, так легко мне было бросить учебу? Дом на берегу, какой-нибудь бизнес непыльный. Так хочу! А ты нам поможешь. Ведь это ты его убил. Из ревности, когда вчера тебе Лера рассказала всю правду. Вспылил, выскочил из квартиры, а оказалось –

убийство. А потом и сам застрелился, когда понял, что сделал. Жалко, Миша, но что делать – судьба у тебя такая.

Она допила очередную порцию, потом взглянула на труп Лериного мужа, вздохнула.

- Судьба такая, да. Ладно, давай, Дима.

И резко вышла из комнаты.

Затем все случилось очень быстро: чувство холода около правого виска, когда он приставил пистолет, негромкий звук выстрела.

Никакой «всей жизни перед глазами», никакого «света в конце тоннеля», ничего. Только бесконечный страх и отчаяние.

Ощущения были такими, будто меня только что вырвало.

И очень хотелось заплакать.

@@@

Собственно, я несколько не удивился, когда обнаружил себя стоящим возле той самой автобусной остановки, которая много раз снилась мне за последнее время.

Так все банально и предсказуемо.

Все та же беснующаяся толпа. Люди, штурмом берущие каждый подъезжающий автобус в надежде отменить собственную смерть.

Я не знаю, что со мной будет дальше. Я не знаю, что буду делать, куда идти. Возможно, все это ненадолго и скоро я отправлюсь куда-то еще.

Я не знаю.

Единственное, в чем я абсолютно уверен – я не буду пытаться занять место в автобусе.

Новая повесть Михаила Камалеева «Маша Онегина»

на <http://mashaonegina.ru>